

Артур Геденон

ЛИЛИТ

Огненная душа куклы

МОСКВА
2024

Артур Геденон

ЛИЛИТ

Огненная душа куклы

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г28

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Васильченко*

Гедеон, Артур.

Г28   Лилит. Огненная душа куклы / Артур Гедеон. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190946-8

Молодой художник Владислав Ольшанский влюбляется в изысканный женский манекен, стоящий в витрине салона модной одежды. непохожий на другие, почти живой, он становится для него символом чувственной красоты. Владислав устраивает ежедневные паломничества к магазину, а дома рисует свой идеал...

Влюбленная в художника Марина с подругой Ингой поздно вечером выслеживают Ольшанского и узнают его секрет. В небывалую грозу, от которой дрожит весь город, Инга становится свидетельницей жуткого зрелища: манекен поворачивает голову и смотрит вслед уходящему юноше...

На следующий день любопытную девушку находят дома убитой. Той же ночью происходят еще два убийства, связанных с салоном модной одежды. Вскоре злополучный манекен исчезает, а за дело берется капитан полиции в отставке, частный сыщик Андрей Крымов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гедеон А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-190946-8

ПРОЛОГ

Купец из Дамаска, много повидавший в жизни, вел караван через землю Египта. Ужасом переполнялись сердца его погонщиков, вырывались несчастные животные, даже охрана, готовая встретить на пути любую опасность, то и дело цепенела; и сам он чувствовал, как стынет его опытное сердце и земля уходит из-под ног. Понимал сирийский купец, что в недобрую годину решил он совершить это путешествие. Великий Египет — землю фараонов, посланников богов, — в те дни лихорадило от невиданных прежде бедствий. Вначале реки наполнились кровью, и не было возможности пить эту воду, рыба сдохла и всплыла, и смрадом наполнился эфир нильской долины. Затем изо всех водоемов выползли жабы, и шагу нельзя было ступить, чтобы не раздавить десяток сразу, прыгали они на головы и лица несчастных людей. Затем на землю хлынула мошкара, и темным стало от нее небо, жалила она людей и скот, забивалась в рот и глаза, и казалось, не будет этому

наказанию конца. За мошкаррой, оглушительно жужжа, на все живое набросились злые слепни, но эти кусали еще большее, набухали тела и лица несчастных египтян и всех, кто оказался в те дни на этой земле. Сирийцы из каравана горячо молились своим богам, но те будто бы и не слышали их. А потом пал скот по всему Египту, и пали лошади и верблюды купца из Дамаска, и превратился в кладбище его караван. Вот когда пришло отчаяние ко всем его спутникам, и жались они друг к другу, как перепуганные овцы, окруженные голодными волками. Но воздух так обильно был пропитан заразой, что скоро все покрылись зудящими язвами, но смерть не забирала никого, и день за днем продолжались нестерпимые муки. Тогда пришел новый день, и с неба, разверстого громами и молниями, посыпался огненный град. Тысячи пылающих комет взрывали землю. И тут уже сирийцы, поклонявшиеся рычащему божеству Хаддаду, мрачному Ваалу и властной Астарте, поняли: иной Бог управляет этой карой, близка их смерть. Самые малодушные взмолились о том, чтобы она как можно скорее погубила их и прекратила страдания. Но и тут выжили все.

А за огненным дождем на сгорающую землю нахлынули полчища саранчи...

Но вот что странно — каждая напасть заканчивалась так же быстро, как и одолевала. Всякий раз будто бы чудо спасало всех. Кровавые реки вновь наполнялись водой, пропадали мошकारа и слепни, словно и не было их, сходили с больных тел зудящие язвы. Что нужно было от людей хозяевам небес, чего ждали они? Ведь

ЛИЛИТ. Огненная душа куклы

очередная напасть уходила только для того, чтобы новая казнь являлась по души и тела испуганных людей — терзать их адовой мукой.

И вот, став девятой казнью, с грозного неба на землю спустилась тьма. Все точно ослепли. Не было не видно ни зги. Человек не мог разглядеть собственной руки, поднесенной к глазам. Но это была непростая тьма — она сгущала эфир, обретала плоть, ее можно было резать ножом, в ней можно было завязнуть, как в патоке. Дышать становилось все труднее. Во тьме вязли голоса, рычание зверей, крики домашних и выючных животных. И нельзя было разжечь огонь — тьма немедленно умертвляла его. Время остановилось для людей и всего живого мира. Лучше погибнуть сразу, чем минуту за минутой и час за часом испытывать такое. Ад мог оказаться лучше, чем такая явь. Страх парализовал всех — от верховных египетских жрецов до последнего раба. Изголодавшиеся лесные звери вышли на запахи и, тяжело раздвигая пространство, двинулись к людским селениям, но даже они с трудом пробирались через плотную тьму. Крокодилы выползли из Нила и его притоков и наугад медленно потянулись к жилищам египтян, чтобы насытиться.

Ничего страшнее еще не приходило на эту землю...

Никто не знал одного: в эти дни происходил поединок Моисея и фараона. Вождь иудеев просил египетского владыку отпустить его народ восвояси, но фараон не желал идти на поводу у взбунтовавшегося слуги, и одна напасть следовала за другой. Особенно обидно

и страшно было узнать, что только народ Моисея минули роковые казни — не было ни язв на теле, слепни облетали их стороной и светильники горели в их домах.

Фараон, страшась небесных казней, слыша повсюду вой и мольбы, всякий раз отступал, обещал свободу своим рабам, но в последний момент не мог сдержать данного слова — не желал этого делать! Мешала гордыня. Как это так — он, богоравный владетель Египта, должен уступить презренному рабу-иудею?! Фараон находил предлоги: то иудеи должны были оставить в Египте своих женщин, то свое имущество и скот. Моисей не шел ни на одну уступку: только безоговорочная свобода для его племени. Когда тяжелая мгла стала отступать и Моисей пришел к фараону за обещанным, сидевший на троне богоравный египтянин сказал ему: «Я больше не потерплю ни одной твоей угрозы и ни одного условия — прикажу убить тебя». Но фараон боялся совершить последнее злодеяние. Он боялся, что внезапная молния поразит его самого на месте. И не спасет его ни верховный бог Амон Ра, ни великий Осирис, ни страшный Сет. Фараон будто чувствовал, чей Бог сильнее. Знал уже наверняка. «Господь свидетель, — сказал ему Моисей, — если ты вновь обманешь меня и не дашь нам свободу, последняя кара разобьет твое сердце и ты сам будешь виноват в этом». Он ушел. А переполненный ненавистью и страхом фараон смотрел ему вслед и решал: пытаться и казнить наглеца или выполнить его требование.

Те трое суток, пока длилась беспросветная свинцовая ночь, всему Египту показались вечностью. Казалось, теперь

так будет всегда. Но вдруг новый рассвет озарил землю. Но кто знал в Египте, что это Моисей в очередной раз получил разрешение покинуть со своим народом долину Нила?

Юный сын дамасского купца, как и прислуга, выполз из палатки и прищурился на восходящее солнце. Не было еще чуда прекраснее на земле, чем это возрождение жизни. Надежда и счастье пронзили в эти минуты каждого, кто увидел рассвет. Сам купец занемог, и все это время сын держал его за руку. Но вот он вышел из палатки и двинулся по песку навстречу первым лучам, разрывающим тьму. Все остались позади. Он поднялся на холм и увидел гигантский сгусток тьмы внизу, который рвал утренний свет. Но что-то было не так в обрывке крошечной тьмы. И тут по спине юноши пробежал холодок, а за ним колючая ледяная змея обожгла его. Юноша оцепенел, глядя вперед. Темный силуэт! Женщина! Тьма рассыпалась, но оставляла женский силуэт, который обретал объем и плоть. Скоро утренний свет и порывы ветра унесли последний зыбкий сумрак, и теперь на песке стояла обнаженная, смуглая, удивительной красоты, с черными, сияющими, как жемчуг, волосами до самых бедер. Она воплотилась из этой тьмы — и тоже посмотрела на обомлевшего юношу. Глаза в глаза.

— Подойди, — наконец повелительно сказала она.

Он не осмелился послушаться ее и спустился с песчаного холма. Да, она была обнажена, оттого казалась еще более естественной и прекрасной. Линия бедер, живота, высокой, косо расходившейся в стороны груди — все манило взгляд юноши, так и тянулось к нему.

Она улыбнулась:

— Ты боишься меня?

— Немного, — ответил он и осторожно добавил: —

Я видел: ты вышла из тьмы.

— Это не страшно, милый. Все люди выходят из тьмы — из чрева своих матерей. И ты вышел когда-то.

Разве не так?

— Пожалуй...

— Как зовут тебя, прекрасный юноша?

— Бальтазар, — ответил он.

— Кто ты и откуда? Какого племени?

— Я из Дамаска. Мой отец — сириец, мать — египтянка, неподалеку наш караван, — кивнул он назад. — Мой отец занемог, уже сутки он не приходит в себя, тьма едва не сгубила его.

Он глаз не мог оторвать от ее налитой и желанной груди.

— Дай мне руку, — мягко повелела она. — Не бойся.

Он протянул руку, и она взяла ее — как же горячи были ее ладонь и пальцы! Будто раскаленная на солнце горсть песка. Молодая женщина положила его руку на упругую грудь.

— Она хороша?

— О да!..

— Теперь положи руки на мои бедра... Клади же.

Он, трепеща, послушался. Как и руки, и грудь, ее тугие бедра горели огнем.

— Как же давно я не ощущала таких прикосновений, — закрыв глаза, проговорила она, — целую веч-

ность! — Но сказала это, скорее, самой себе, чем юноше. — Запертая во мгле...

— О чем ты? — тихо спросил он.

Но она не услышала его.

— Скажи, ты хочешь меня, Бальтазар? Говори, не стыдись.

— Я не смею...

— Я разрешаю тебе. Так хочешь?

— Да, о боги, — пролепетал он. — Да!

— Что ты желаешь сейчас? В эти мгновения?

— Поцелуя.

— Так сделай это — поцелуй меня.

— Мне страшно.

— Целуй же.

Держа ее за талию, юноша нерешительно потянулся к ней губами. Но она первой взяла его лицо в ладони, властно, и жадно прикоснулась к его губам, впилась в них, как в сочный плод. Упоительное удовольствие от прикосновения опьянило юношу, а за ним и острое желание пронзило его.

— О, этот нектар жизни! — отведав его лицо, прошептала она. — Как же я стосковалась по нему! Мой первый поцелуй после долгих странствий, — мечтательно проговорила нагая женщина. — Спасибо тебе, Бальтазар.

А юноша думал только о том, что уже никогда не будет у него покоя, пропало его сердце, не сможет он жить без этой незнакомки. Готов он ради близости с ней убить, предать, расстаться с жизнью. Все равно! Лишь бы чувствовать ее прикосновения!..

- Сколько у твоего отца детей?
- Трое — я и две мои младшие сестры, они остались дома, в Дамаске.
- Так ты первенец?
- Да, — сказал он.
- Она цепко смотрела ему в глаза.
- Опасно быть первенцем в эти дни в Египте. Тем более что твоя мать египтянка.
- Почему?
- Открою тебе тайну: Бог приготовил для вас еще одну казнь.
- Какую? — опешил юноша.
- Последнюю, десятую. И вряд ли он помилует тебя. Даже несмотря на твое имя: «защищаемый Богом». Но я помогу. Я спасу тебя от гибели, прекрасный Бальтазар. — Она выделила «я». — Но ты должен пообещать мне, что станешь моим. Навсегда.
- Я уже твой, — в ответ прошептал он.
- Хорошо, да будет так. Ты будешь спасен. А теперь мне пора.
- Не уходи... Я принесу тебе одежду и представлю отцу как свою невесту... жену.
- Вновь она улыбнулась — отчасти снисходительно, как покровительница.
- Мне пора, Бальтазар. Но мы еще увидимся — обязательно. Ведь теперь ты мой.
- Когда?
- Когда придет срок. Прощай, Бальтазар. Нет, до свидания. Помни обо мне.

И сказав это, она двинулась по песку навстречу восходящему за песчаными холмами солнцу.

— Как зовут тебя? — полный отчаяния, крикнул он вслед. — Кто ты?!

— Богиня ночи, освободившаяся от оков! — обернувшись, громко ответила она. — Спасибо жадному фараону, да смилостивятся над ним его боги! Он открыл мне дверь! Помни обо мне, Бальтазар!

— Буду помнить, буду! — шагнув за ней, крикнул он вслед.

А потом она взмахнула рукой, и когда опустила ее, то оказалась в сверкающем серебристом хитоне, ослепительно блестящем и переливавшемся в утренних лучах солнца. «Она и впрямь была богиней!» — теперь уже наверняка осознал юноша. Богиня подарила ему поцелуй! Но как звали ее? И почему она выбрала именно его?..

А затем поднялся ветер и буквально подхватил незнакомку, снес ее — она рассыпалась и сама стала ветром на глазах у юноши. Сердце, которое выпрыгивало из груди, и дыхание перехватило так, что хоть падай замертво.

Его привели в чувство крики за спиной и сверху, с песчаного холма, на котором он только что стоял сам:

— Бальтазар! Бальтазар! Твой отец, наш хозяин, пришел в себя и зовет тебя! Слышишь, Бальтазар?

Обернувшись, юноша махнул рукой: он услышал своего слугу. И вновь устремил взгляд туда, где только что с песчаным ветром исчезла прекрасная незнакомка. Его богиня ночи...

И только тогда побрел вверх по холму. С поющим и одновременно разбитым сердцем. С душой, обожженной любовью...

...От судьбы не уйдешь, и все предначертано заранее. В этот злополучный день фараон вновь изменил свое решение — уже в десятый раз. Никто из египтян не знал, что их ждет. Какое великое горе! Приближалась самая страшная казнь египетская — ДЕСЯТАЯ. И почти каждый дом в Египте уже скоро должен был огласиться скорбным плачем и воплями отчаяния...